

Жив — и хорошо!

Он не любит говорить про блокаду: слишком эти воспоминания тяжелы. Но в его глазах — то, что пережил подросток в те годы.

Евгений Александрович Чернявский помнит всю блокаду от первого дня до последнего. Ему было всего 14 лет, когда он поступил на работу в Ленинградский исследовательский институт телефонной связи — учеником-техником. В 42-м там открыли точку связи с Большой землей. В конце того года в здание института попало 17 снарядов. Профессор Чернявский вспоминает: «Прихожу я однажды на работу. На том, что осталось от здания, висит бумажка: «Институт законсервирован. Обращайтесь в радиокомитет». Иду туда — еще одна записка:

«Приходите через две недели». Так закончилась моя работа в ЛИИТСе».

Потом он работал по вольному найму в батальоне связи, обслуживавшем междугородную телефонную станцию. До сих пор на руках — следы от тонкого провода, километры которого приходилось накручивать на здоровенные бобины.

В то время Женя и не думал, что совершает что-то героическое. И не мечтал о наградах. Поэтому медаль «За оборону Ленинграда» даже не стал получать, хотя имел на нее полное право. Награда сама его нашла... «Не понимаю, зачем ветераны-блокадники жалуются, что государство их игнорирует. Что жаловаться? Жив — и хорошо».

Возвращение

Закончилась война. Мать находит своего пропавшего сына... Больше похоже на сюжет фильма, а не на реальную жизнь. И все же такое часто случалось, особенно после войны.

Анатолию Андреевичу Барыбину было всего шесть, когда началась блокада. Она не могла не оставить следа в памяти ребенка. В блокадном городе он оставался до марта 1942 года: только тогда вместе с отцом, тетей и бабушкой отправился в эвакуацию. Его мама вместе с братом, грудным младенцем, уехала раньше, а отец был вынужден задержаться в городе из-за болезни. И маленький Толя остался с ним.

Все время хотелось есть... Пожалуй, это самое реальное воспоминание о блокадном городе. Потом была эвакуация, тиф, больница в Вологде. Старшие, отец и бабушка, не выжили. Так Толя Барыбин и попал в детский дом.

Там он прожил долго тянувшиеся годы войны: учился в школе, дружил со сверстниками. Но эта пора была окрашена совсем

не детскими переживаниями. Чувство голода преследовало воспитанников детского дома все время. «Чего мы только не искали, чтобы в рот положить! Как-то весной ходили по полям, а на колосках пшеницы образовалась спорынья — такие черные сладкие частички. Мы же не знали, что это яд. А так хотелось сладкого! Все, кто попробовал, отравились и чуть не умерли». Слава Богу, все закончилось хорошо.

Когда мать с братом вернулась из Тюмени, где прожила всю войну, чудом она сумела отыскать Толю. И не по годам взрослый сын вернулся в Ленинград.

А детский дом он не забыл: спустя годы отыскал ту самую деревню. Все осталось прежним, как вспоминалось: белая высокая колокольня, грачиный гай... Нашлась и школа, где жили ребяташки: Анатолий Андреевич обнаружил ее на другом краю деревни. Расспросил и местных жителей и выяснил, что здесь помнят детдомовцев. Старушки так и говорили: «Мы вас всех помним, все ребяташки бегали голодные...»

В ноябре медалями «В память 300-летия Санкт-Петербурга» были награждены сотрудники нашего университета — ветераны войны и труда, жители блокадного Ленинграда. Эти награды — дань уважения к тем, кто выстоял и выжил в тяжелую блокадную пору, восстанавливал наш город после войны. Подтверждение того, что никто не забыт, ничто не забыто...

Подготовила Ольга РОМАНОВА

В январе 2004 года наш город отметит еще одну памятную дату — 60 лет полного снятия блокады Ленинграда. Почти три года продолжалась вражеская осада. Ни одному городу ни в одной из минувших войн не выпадали на долю столь суровые и длительные испытания. Жители Ленинграда пережили голод и бомбежки, проявляя при этом мужество, отвагу и поразительную стойкость. Суть этих испытаний очень точно и емко определила поэт блокадного города Ольга Берггольц, написав: «Я не героизировала — я жила». Есть в ее поэзии и такие строки:

*Мы жили,
мы дрались,
мы плакали, скорбя,
Мы голодали, нам бывало страшно.
Нам никогда не позабыть себя,
Не бронзовых — живых, простых, вчерашних.*

О блокаде мы знаем из рассказов наших родных, из фильмов и книг. Каждое свидетельство очевидцев открывает перед нашими современниками новую главу героической истории обороны города. В этой коллективной летописи есть страницы, заполненные сотрудниками и студентами Электротехнического института. 60 лет назад они сражались на фронте под Ленинградом, они выживали в осажденном городе. Их воспоминания о пережитом передают дух времени, помогают понять, как сумели эти люди выстоять, выжить и победить.

ПИСЬМА ИЗ БЛОКАДЫ

Смерти вопреки

«Голод прервал работы в мастерских. Чем помочь, как поддержать студентов в это труднейшее время? В то время единственная поддержка — это сочувствие, доброе слово и надежда на лучшее, вселенная в человека. Из состава комитета комсомола нас осталось всего двое: я и Анна Ратынская — студентка четвертого курса», — вспоминает секретарь комитета комсомола ЛЭТИ Б. М. Кудашев. Комсомольская организация состояла из оставшихся по болезни (таких как Борис Михайлович, у него был туберкулез — ред.), демобилизованных по ранению из Красной Армии и демобилизованных из войск Ленинградского фронта. Каждый день студенты и преподаватели приходили в ЛЭТИ, в аудиторию 36, где была единственная в институте печка-временка.

«Мы дежурили по очереди в аудитории № 37. Приходили, а точнее, добирались пешком через Неву и Невку в любую погоду. В ватниках, ватных брюках, валенках, заматанные шерстяными платками, мы, как тени, входили в это промерзлое помещение и видели там трупы своих сокурсников, умерших от голода. Их мы притаскивали сюда и складывали. Здесь они находились по нескольку дней, а у нас не было сил стащить их в морг, который находился в Ботаническом саду. Можно представить себе наше положение — дежурство комсомольских работников рядом с трупами своих товарищей. Лишь к весне удалось похоронить их.

В январе было проведено комсомольское собрание, на котором была избрана контрольная комиссия. Принято решение

Не хлебом единым жив человек. Сколько раз опровергала эти строки блокада. И сколько же раз подтверждала. 1942 год, по воспоминаниям многих, был самым тяжелым для ленинградцев. Настолько тяжелым, что нет слов, чтобы выразить пережитое.

об организации душа, который с трудом был отогрет и пушен в эксплуатацию силами комсомольцев.

В конце января в институте создается стационар, его заведующим был назначен преподаватель В. В. Пасынков. Этот стационар размещался на третьем этаже первого корпуса. Но стационар предназначался только для тех, кто смог выжить, кто был не безнадежен, а главным условием этого служил самостоятельный приход больного. Можно представить себе, как добирались эти истощенные люди до третьего этажа. Многих мы доставляли до стационара.

Истощенным людям нужно было дать возможность дожить до эвакуации и затем эвакуировать их по Дороге жизни ранней весной. Председателем комиссии по эвакуации являлся секретарь партийного комитета доцент Н. П. Ермолин. Мы сумели оповестить наших ребят и сотрудников, и вечером на Финляндском вокзале собравшимся выдали горячую вермишель с сарделькой. Возможно, многие пришли сюда только из-за этой пищи. В холодном вагоне нас довели до Борисовой Гривы и высадили прямо на лед, куда должна была приехать грузовая машина. На этом ледяном поле было много трупов, и особенно детских. Некоторые студенты были настолько слабы, что их приходилось поднимать в машину. А когда ехали по ледяной трассе, то видели, как впереди идущая машина с людьми ушла под лед. Только в глазах наших было сострадание, других сил уже не осталось».

С НОВОСЕЛЬЕМ

Еще один адрес землячества

На улице Торжковской — праздник: в доме № 15 состоялось торжественное открытие Югорского землячества. Было все, что полагается в таких случаях: музыка, цветы, красные ленточки у входа, торжественные речи.

Фото Сергея ЛЕОНОВА

Это уже второй адрес, по которому прописаны студенты из города Югорска. После официальных речей и поздравлений гости и хозяева отправились на своеобразную экскурсию по общежитию. Взрослые, конечно, постарались — хороший подарок приготовили студентам. На первых двух этажах университетской «восьмерки» расположились комфортные двух- и трехместные комнаты, современные кухни, оборудованные всем необходимым, спортзалы, комнаты для занятий и отдыха.

Ребята уже успели здесь обжиться, поэтому с удовольствием демонстрировали нам все достоинства нового жилья. Правда, один из новоселов — Виктор Нестеров (на фото он в центре) заявил, что прихватил бы с собой только новую кровать и хоть сейчас переехал бы в соседний подъезд, к своим друзьям по университету... Девчонки же говорили о своем новом жилище «с чувством, с толком, с расстановкой». А на прощание согласились сняться в новехонькой «учебной» комнате. Эх, чтоб всем студентам в общежитиях так жилось!